

Но... казалось, что что-то не так.

Мо И нахмурился, чутко уловив лёгкое чувство диссонанса.

Скорость этого тумана менялась слишком быстро! Если судить по такой динамике, то уже к следующей перемене он захватит всё здание целиком.

Весь процесс займёт меньше трёх часов, а требуемое время выживания составляет целых пять часов!

— Это безвыходная ситуация, из которой невозможно выжить.

Пронизывающий холод заполз по спине Мо И. Он невольно поднял глаза и посмотрел в окно коридора.

Искривлённая арматура оконной рамы обрамляла бескрайнюю тьму снаружи. Во тьме парящее обратное время мерцало тусклым синим светом. Секунды неумолимо текли, но сейчас, в глазах Мо И, это было похоже на безжалостного бога смерти, который с холодной злобой насмешливо смотрел на них из полумрака.

Цзян Юаньбай, стоявший рядом, заметил его изменение и подошёл спросить:

— Что случилось? Почему у тебя такой плохой вид?

Мо И был возвращён из своих мыслей его голосом. Он замер на секунду, а затем, словно что-то вспомнив, в его ранее потускневших глазах снова зажёгся маленький лучик надежды.

Точно! Цзян Юаньбай, Шэнь Лэй и другие пережили предыдущие Игры на выживание! Раз они смогли выжить, значит, эта игра обязательно оставляет им путь к спасению!

Но... в текущей ситуации, останутся ли они здесь или пойдут вниз, как только прозвенит звонок с урока и начнёт расползаться туман, у них останется только один путь — смерть.

— Тогда, может быть, учительская на четвёртом этаже и есть тот самый переломный момент в этой безвыходной ситуации?

Мо И повернулся к Цзян Юаньбаю. На его бледном лице глаза сияли поразительно ярко:

— Мы должны как можно скорее подняться вверх.

Именно в этот момент прозвенел звонок на урок. Вместе со звонком весь коридор начал меняться на глазах, с видимой скоростью, и в итоге вернулся к своему прежнему виду.

— И сделать это мы должны в течение этих 45 минут. Мы обязаны найти способ подняться вверх, — добавил Мо И.

Цзян Юаньбай тоже пришёл в себя и осознал, что из-за скорости тумана их выживание стало практически невозможным. Краска мгновенно сбежала с его лица.

Он нетерпеливо схватил Мо И за руку и дрожащим голосом сказал:

— Тогда чего мы ждём, давай прямо сейчас...

Взгляд Мо И, словно он смотрел на полного идиота, будто вылил на него ушат ледяной воды.

Цзян Юаньбай проглотил оставшиеся слова и смущённо отпустил его руку.

— Призраки на каждом этаже не дают нам подняться наверх. Идти сейчас на лестничную клетку — это чистое самоубийство.

Цзян Юаньбай тоже успокоился, смущённо почесал затылок и покорно спросил:

— Тогда что мы будем делать дальше?

— Искать подсказки. — Мо И взмахнул блокнотом и папкой с документами, уголок его губ слегка приподнялся. — Раз призраки на каждом этаже связаны с обидой Чжао Цюлань, то, если мы поймём, в чём заключается её обида, мы сможем узнать и способы убийства призраков.

— Только так мы сможем подготовиться, когда будем подниматься наверх.

Лицо Цзян Юаньбая стало серьёзным, он медленно кивнул.

Судя по опыту предыдущих двух этажей, пока они не поднимались наверх, главное было не лезть на рожон и не тревожить места обитания призраков — например, Ли Юнья, пошедшая в туалет, или Шэнь Лэй со своей группой, шагнувшие в иллюзию фотографии. Тогда они были в безопасности. Но на этом совершенно незнакомом третьем этаже каждый шаг мог оказаться на mine.

Однако кабинет 3-го класса был особым местом: раз он появлялся на каждом этаже, значит, если бы здесь было что-то по-настоящему опасное, они бы уже погибли на первом этаже.

Тем более, здесь могли найтись какие-то новые подсказки.

Приняв решение, Мо И толкнул дверь класса, сел на пол в задней части комнаты, снова открыл блокнот и продолжил чтение с того места, где остановился.

Оставшегося текста было мало. Большие пустые промежутки между датами становились всё длиннее, количество повреждённых и зачёркнутых страниц увеличивалось, почерк становился всё более небрежным и бессвязным. Единственное, что не менялось, — это фраза «Сегодня будет прекрасный день».

Один фрагмент привлёк внимание Мо И: «1 сентября 1994 года. Меня любят одноклассники, они...» Далее шёл большой кусок зачёркнутого текста, а в конце было лишь четыре кривых слова: «Сегодня будет». И на этом всё обрывалось.

Это предложение не было закончено... Почему?

Мо И ничего не мог понять, поэтому просто протянул блокнот Цзян Юаньбаю, а взамен взял папку с документами, которую тот читал, и начал её листать.

Папка была тонкой и, судя по всему, содержала личное дело Чжао Цюлань.

Мо И несколько секунд пристально смотрел на фотографию в верхней части документа.

Это была невысокая и худая девочка в большой, старой и грязной рубашке. Она выглядела замкнутой и пугливой, робко улыбаясь в объектив камеры.

Мо И глубоко вздохнул, отбросив нахлынувшие на мгновение эмоции, и продолжил читать.

Информации здесь по-прежнему было катастрофически мало.

Только даты поступления, результаты экзаменов и прочие бездушные цифры.

Мо И перевернул страницу, и его внимание привлекли записи об отгулах:

21 декабря 1993 года. Отпуск на семь дней. Причина: похороны. Решение: разрешить.

Семь дней спустя как раз было 28-е число — тот самый день в блокноте, когда исчезло имя отца.

Мо И задумался и продолжил читать.

7 января 1994 года.□□□ новый листок об отгуле, на этот раз срок был ещё длиннее, целых полмесяца. Причина: нервный срыв, похороны и... дача показаний.

Сложив вместе историю Ханако, выстроилась чёткая цепочка улик: мать убила отца, а затем пришла в школу дочери и покончила с собой. Ни в чём не повинный ребёнок за считанные дни потерял обоих родителей и получил клеймо дочери убийцы.

Мо И перевернул на следующую страницу и в тот же миг вздрогнул от густо исписанной мелким красным шрифтом страницы. Здесь были сплошные выговоры и строгие выговоры: за драки, воровство, списывание и прочие проступки.

Неужели после потери родителей эта девочка стала трудной? Но в следующую секунду Мо И отбросил эту мысль.

Потому что после каждого взыскания неизменно мелькали одни и те же имена.

Участвовала ли она в драках или доносила на других, в общей сложности в более чем двадцати взысканиях частота появления этих нескольких имён была поразительно высокой.

А в самом низу этой страницы был крупный и жирный выговор: 1 сентября 1994 года. Взыскание первой степени. Предупреждение об отчислении. Причина: распространение порнографических материалов.

— 1 сентября. Та самая аномальная дата в блокноте. Та дата, когда не было дописано даже «Сегодня будет прекрасный день».

Взгляд Мо И стал холодным. Он протянул руку и достал из папки пожелтевшую фотографию: худая девочка с растрёпанными волосами и одеждой, всхлипывая, свернулась клубком. Рваная рубашка не могла скрыть её только начинающее развиваться юное тело. Следы побоев виднелись на её коже. Несколько рук тянулись из-за кадра, намертво удерживая её за конечности, не давая сопротивляться.

Взгляд Мо И стал ещё мрачнее, а его лицо при свете лампы казалось на удивление беспристрастным и жестоким.

Теперь он понял, почему на втором этаже именно фотография стала призраком, вершащим их жизни и смерти.

Мо И протянул руку, собираясь перевернуть следующую страницу, но тут рядом раздался испуганный возглас Цзян Юаньба:

— Эй! Смотри, что я нашёл!

Мо И поднял глаза. Цзян Юаньбай с возбуждённым лицом поднял с пола лист бумаги и сказал:

— Я только что потряс блокнот, и из него вылетело вот это!

Цзян Юаньбай осмотрел лист, и его восторженное выражение сменилось разочарованием. С растерянным видом он сказал:

— Да что такое... Заставил меня зря радоваться. — Тут он ухмыльнулся: — Хотя, оказывается, такие вещи нравятся девочкам в любую эпоху.

Сердце Мо И пропустило удар. Он наклонился, чтобы разглядеть помятый лист.

Это была вырезка с обложки журнала, аккуратно вырезанная и бережно сложенная. Рисунок сейчас казался крайне примитивным и грубым, цвета — кричащими, но ряд заголовков в левом нижнем углу намертво приковал взгляд Мо И:

«Интересные факты: Семь школьных тайн».

Когда он прочитал мелкий текст ниже, мысль, подобно удару молнии, пронзила его разум!

Все улики в его голове идеально и точно сцепились друг с другом.

Дыхание Мо И стало учащённым, взгляд сиял невероятно ярко. Ему казалось, что он слышит, как его кровь бурно пульсирует в венах, ритмично ударяя в барабанные перепонки.

Впервые за долгое время он почувствовал возбуждение.

Мо И глубоко вдохнул и протянул палец, указывая Цзян Юаньбаю.

Цзян Юаньбай сосредоточенно посмотрел и увидел, что под заголовком мелким шрифтом было написано:

«Оживающие фотографии, тринадцатая ступенька, звук прыгающего мяча в пустом спортзале... ночное зеркало и Ханакко из туалета. Каковы же семь школьных тайн?»

Цзян Юаньбай тоже внезапно всё понял:

— Так... то есть 7-1-2, это на самом деле порядок этих семи тайн?

Мо И, с трудом сдерживая дыхание, кивнул. Его голос слегка дрогнул:

— Должно быть, так.

В голосе Цзян Юаньбая зазвучало возбуждение:

— Тогда мы же знаем, что именно находится на третьем этаже! Вторая тайна! Тринадцатая ступенька!

Легенда о тринадцатой ступеньке гласила, что если ночью, поднимаясь по лестнице, молча считать ступени, то, досчитав до тринадцатой, можно провалиться в другое измерение.

Хотя он и не знал почему, но у него возникло странное чувство.

Словно где-то присутствовало ощущение неестественности.

Мо И поднял голову и посмотрел в окно.

У них оставалось мало времени. Через 15 минут снова прозвенит звонок с урока, и если к тому времени они не доберутся до четвёртого этажа, им останется только умереть.

Он покачал головой, словно отгоняя странное чувство, и тут же принял решение. Собрав блокнот и документы, он встал. Несмотря на внутреннюю спешку, его лицо оставалось спокойным. Быстро обратившись к Цзян Юаньбаю, он сказал:

— Пойдём. Осталось только попробовать.

Когда они добрались до лестничной клетки, Цзян Юаньбай вдруг остановился.

— Если бы я не знал, я бы, конечно, не считал ступеньки. Но теперь, когда мне сказали не считать... я не могу удержаться, чтобы не считать! — Он был на грани срыва.

Мо И немного подумал:

— Тогда как насчёт того, чтобы спеть «Два тигра»?

— ... — Цзян Юаньбай смотрел на него с невероятным удивлением. — Ты серьёзно?

Мо И искренне кивнул:

— Ага. Это поможет отвлечь внимание. — С этими словами он начал громко петь «Два тигра» и одновременно полез по лестнице. Цзян Юаньбай стоял на месте и с пустым лицом смотрел ему в спину.

Голос Мо И донёсся сверху:

— Видишь, я поднялся.

...

Стоит ли говорить Мо И, что он фальшивил, когда пел «Два тигра»?

Цзян Юаньбай серьёзно подумал секунду.

И решил оставить эту тайну при себе.

В итоге он всё же поверил в эту ненадёжную теорию Мо И, открыл рот и запел «Два тигра». Пел и поднимался, и в итоге благополучно добрался до четвёртого этажа.

Впрочем, хотя путь был благополучным, лёгким его никак не назовёшь.

Цзян Юаньбай присел на корточки и жадно глотнул воздуха. Спину покрыл тонкий слой пота.

Действительно, призраки здесь не хотели, чтобы они поднимались наверх.

Во время подъёма по лестнице он слышал, как рядом кто-то шептал, медленно считая, словно пытаясь соблазнить его считать вместе в уме. К счастью, его мозг был полностью занят навязчивым мотивом «Двух тигров», иначе он бы уже попался.

Цзян Юаньбай мысленно порадовался своей удаче и поднял голову, собираясь поблагодарить Мо И.

Но увидел, что этот человек, сохранявший холодное спокойствие на протяжении всего пути, вопреки своей обычной манере демонстрирует изумлённое выражение лица. Его зрачки сузились, и он вперился взглядом в то, что было перед ним.

Цзян Юаньбай проследил за его взглядом и тоже замер.

Лестничную клетку намертво загораживала сплошная монолитная стена. Не было видно ни малейшей щели, от чего перехватывало дыхание и грозило удушьем.

Цзян Юаньбай в панике поднял пожарный топор и обрушил его на стену, но острое лезвие лишь соскользнуло по поверхности, не оставив ни малейшего следа.

Атмосфера отчаяния медленно, но верно накатывала.

— Здесь вообще нет никакого четвёртого этажа.

<http://bllate.org/book/19763/2041108>